

вопреки кажущейся герметичности их формы, как раз сегодня может послужить своего рода противоядием: «Горе! — невидимый молот навис...».

Удивительно и непостижимо, как столь высокая степень поэтического мастерства могла проявиться в столь юном существе — подростке, едва достигшем пятнадцати лет. Это сравнимо, может быть, лишь с феноменом лирики Лермонтова, создавшего почти в том же возрасте такие глубочайшие творения, как «Предсказание» и «Кавказ».

Не случайно Борис Пастернак, познакомившись со стихами «Античного цикла», предостерег юного поэта: «Вы не будете так писать всегда». «Не сможете», — думается, хотел он сказать, потому что нельзя, не под силу выдержать такой накал духовного горения длительное время. Наша брэнная телесная оболочка едва ли способна стать тиглем, который бы мог удержать, не расплавившись, эту плазму.

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

АНТИЧНЫЙ ЦИКЛ

Б. П.

Впроголодь корми из рук.
Ласточку прокормят крылья.
Крылья — циркуль, полукруг.
Вечность — это изобилье.

Если губ не пригубил,
Пощади и день мой серый,
Не давай мне свыше меры,
Это будет свыше сил.

Дай мне четверть или треть.
Тучи вертят месяц-вертел.
Путник, брошенный на ветер.
Слишком много — это смерть.

1947

Галатя 2

А душа так жадно, неумело
Обживает розовое тело,
Изнутри обитель так светла.
Верным словом поклялась: не помнить!
Прошрое, уйди. На что оно мне?
Я дышу. И плоть моя тепла.

А в округе сплетни, кривотолки,
Под ногтями мрамора осколки.
Из-под гребня мраморная пыль.
Лишь усну, ну чуть глаза закрою,
Снится мрамор и зовет сестрою.
Мнишь себя живой? Ты камень, стынь...

Боже, нет! Мне зримый мир порукой.
О, моя душа, будь мне подругой.
Все отдам, мне ничего не жаль.
Ветер медоносный, открывая
Дверь в цветущий сад, в предсердье рая,
Подтверди: я теплая, живая.
Подлети, пчела, меня ужаль.

1949

Пигмалион 1

Опять рождается луна
Из круглого небытия,
Как я рождаюсь поминутно.
Но что это? Быть может, я
Тебя сквозь мрамор видел смутно?
Мне эта нежность не нужна.

Где величавость? Ты была
Так царственна. Где недоступность?
Божественная совокупность
Надгробья, чуда и тепла.
Как хлынула голубизна
Из глаз. И глубина без дна.
Бледнеют мрамора прожилки...
Ты, как слепая на развилке,
Запуталась в немой траве.

Стыдливость, робость, изумленье,
Встав рядом с тенью на колени,
Все гладишь тень по голове.
Своей пугаясь наготы,
Себя закутываешь в складки
Одежд. Напиток полусладкий,
Обман, ошибка? Кто же ты?

1949

Невольничьего рынка звездный сруб.
Судьба в иных мирах меня купила.
Чтоб получить обол из твердых губ,
Ты глиняное тело мне вручила.

Наш первый вздох. Движением мягких
ртов
Из круглой чаши пьем дыханье.
И в чашу круглую кладем куски плодов,
Хлебов торопим созреванье.

Заглянут в дом, минуту улуча,
Богини всех противоядий.
И вылепится первая свеча
С еще неясной мыслью о награде.

Елена в башне новых ждет оков.
Ест Афродита яблоко Париса.
Молчат пророчества. Ждет жертвенник
даров.

Сны спят. Им рано, чтоб на нас
пролиться.
И я проснусь на вспылчивой земле.
Лежащий — он уже очищен.
И уголек, пригревшийся в золе,
Он в сердцеvine — властелин и нищий.

1946

Из серого фарфора. На ногте
Подснежника. Ветвей сородич зыбкий,
Где вместо звезд висят пустые скрипки,
Звук льется в первозданной наготе.

Уже, казалось, перетерта нить
И ухмыльнулся нож за голенищем.
Соль — серебро. Все разбазарить
нищим.
Себе плеча сиротство сохранить.

Как разгадать природу этих сил?
Разгадка: им была праматерь хрупкость.

Со мной рассчитался скупой казначей.
Я в светлую щель заглянул украдкой.
Время стать ничем и ничьей,
Время пройти сквозь кольцо загадки.

1991

Ты, дав мне свет, украл мою беспечность.
Что берегла — ты все пустил на слом.
Взамен такое ты подстроил — вечность
Пришла и тронула меня крылом.

Кто в птичью грудь вложил пустые кости,
Оставив в каждой воздуха глоток?
Но все тебе не к месту, не по росту,
Не так травы зеленый локоток.

Совсем не ласков ты. Совсем не весел.
Весь светишься, и это неспроста.
Вверх по теченью лодка, но без весел.
Река — так нет ни брода, ни моста.

За что нам этот дар несовпадения?
Знак разминуться на одном пути.
Окликнула — ты обернулся тенью.
Рукой коснулась — обречен уйти.

1962

м. ц.

Забудь, что я земною была,
Я вся превращаюсь в колокола.
Теперь не качай меня на руках,
Теперь не хватай меня за рукав,
Привкус меди на этих губах.

Не слабой боги меня слепили,
Но рука родимая тяжела.
Такой удар убивает. Или
Превращает в колокола.

Новый голос страшен и волен,
Снятый с башен и колоколен.
Сколько взвесить? Да весь кусок!
Горло сузилось в волосок...
Друзья выключают глаза.
Лебедей бирюза
На снежности неба
Не для меня, не для меня,
Ничегошеньки для меня:
Ни горькой ночи, ни Судного дня.
Тень земного хлеба.

Корень. Я ощупываю тьму,
Раздвигаю уголки квадрата.
Кто там надо мною? Не пойму,
Слово возвращается обратно.

Может, надо мной ветвистый зверь
С птичьим блеском, на ветвях повисшим,
С белкою, надетой набекрень,
Или с ожерельем темных вишен.

Или конькобежец на бегу,
Вдруг задумавшись, пророс коньками,
Или звон кормлю и берегу
Старой церкви вечер с огоньками.

Ветер, сжался и возьми правей,
Отступи, мое дитя не тронув!
Хвоя из ресниц. Ветвь из бровей.
Изогнись, не потревожив крону.

Ангел, расстеливший простыню,
Влажных крыльев тяжела громада.
Если это ты — вдави ступню
В глину. Знак. Мне большего не надо.

1987